

САГАН
Коллекция

Франсуаза
САТРАН

**И ПЕРЕПОЛНИЛАСЬ
ЧАША**

Роман

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 13

Françoise Sagan
DE GUERRE LASSE
Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 1985

Перевод с французского Ирины Радченко

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Издание подготовлено
при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17801-4

© И. В. Радченко
(наследники), перевод, 1999
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

Моему сыну Дени

ГЛАВА 1

Даже погода в том, 1942 году поблажек не давала. Уже с мая луга изнывали от летнего зноя. Высокая трава, размякнув на солнце, клонилась, сохла и никла до земли. Поодаль, над сумеречной котловиной пруда, курился тонкими полосками туман; да и сам дом, с его розовым морщинистым фасадом, сомкнутыми, словно над тайной, ставнями второго этажа и в изумлении отверстыми застекленными дверьми первого, — сам дом уподобился старушке, сомлевшей от прихлынувшей неопределенности.

Шел уже десятый час; уповая на прохладу, кофе накрыли в саду перед ступеньками крыльца, но свет был таким ярким, а воздух таким теплым, что казалось, стоит полдень и лето в разгаре.

— А ведь еще только май! — сокрушенно произнес Шарль Самбра. — Что же будет в августе?

И кинул прямо перед собой окурочек; его короткий и неотвратимый полет как бы пред-

восхитил для Шарля их будущее, однако, откинувшись в кресле-качалке, Алиса Файат проводила взглядом летящую в никуда и на гравий горящую сигарету безо всякой тревоги, оттого что брошена она была могучим жестом. От темневшего на фоне вечернего света силуэта мужчины и его энергичного движения веяло жизнью, а никак не роком: чуть раскосые карие глаза, полные губы и мясистый нос Шарля Самбра, хотя и обрамленные и оттененные на удивление черными и на удивление тонкими бровями и волосами, приличествующими более женщине или какому-нибудь Валентино, не таили в себе, несмотря на несколько старомодный стиль ловеласа девятисотых годов, ничего тревожного, ни даже пророческого. Ни даже раздражающего, что удивительно, подумала Алиса. И правда, бьющее через край здоровье и жизнелюбие этого человека почему-то не раздражали ее своей несвоевременностью и слепотой, постыдными в том мае 1942-го. Даже если в принципе и возмущало ее полнейшее его безразличие к судьбе отечества, существовало определенное согласие, о каком и помыслить-то гадко, и в то же время разительное, очевидное между этим человеком и запахом его дома и луга, линией тополей, холмами, такое согласие, которое могло бы примирить — если бы она хоть на миг могла себе подобное

представить — великолепные речи Петена, окрашенные в цвета национального триколора, и его же — «зеленые», о возврате к земле. Алисе на мгновение почудился степенный зычный голос старика, а за ним исступленный вопль маньяка, она заморгала, откинула голову назад и инстинктивно повернулась к Жерому.

Жерома, как видно, тоже сморило от запаха разогретой травы. Он закрыл глаза, светлые пряди волос едва различались на усталом, беззащитном, ранимом и напряженном лице. Жером... Ему она сегодня была обязана всем, включая и эту траву, и усеянное звездами небо, и неожиданную возможность расслабиться; всем, даже и тем безотчетным и сомнительным удовольствием, той безотчетной тоской, какую вместе со стыдливой робостью внушало ей сугубо мужское обаяние друга детства Жерома, этого Самбра, к которому они нагрянули в тот день безо всякого предлога, благо дружба в таких не нуждается.

Она заморгала и тряхнула головой, чтобы привлечь внимание Жерома, и не сразу осознала, что он тоже давно смотрит на нее широко открытыми глазами. По отношению к нему Алисе случалось впадать в эдакую близорукость, что представлялось ей проявлением не то ее собственного эгоцентризма, не то его, Жерома, легкого нрава. За

спиной у них как-то по-чудному запела птица, и Шарль рассмеялся.

— Поет, как извозчик, — пошутил он. — Мне всегда кажется, что она ругается неприличными словами. Ведь правда? В ее руладах — ни романтики, ни изящества. Даже ярость какая-то слышится, и это меня смешит.

— Верно, — отвечала Алиса поначалу из вежливости, а после заинтересованно, так как замечание не лишено было меткости. — Может, это утренняя птица: сбилась со времени, вот и злится?

Да почему они здесь, она, Жером? Почему разглагольствуют о пении дурацкой птички с этим бедолагой, хозяином обувной фабрики в провинции Дофине?

— Я вас прескверно угощаю, — констатировал Шарль тоном, в котором не слышалось и тени беспокойства и оттого чуть ли не циничным.

Этому человеку, похоже, ни в коей мере не доступны стеснение и укоры совести, подумалось Алисе; но она, ненавидевшая самомнение и даже просто душевную успокоенность столичных и провинциальных фатов, зазнаек, самонадеянных весельчаков, почему-то улыбалась, вспоминая, как Шарль был ошеломлен и восхищен их появлением и как рискованно управлялся на кухне с нечаянной яичницей. С тех пор прошел уже

час — целый час! — а отзвук его смеха лишил ее, по крайней мере на тот вечер, всякой способности критически мыслить. В сущности, он был попросту добрым парнем — редкое по тем временам качество, столь же старомодное, как и его наружность, но оно-то, во всяком случае, пригодится для осуществления ее с Жеромом планов. А в доброте Шарля Алиса не сомневалась: она читалась на его лице, угадывалась во всем его поведении. Красивый малый, но сверх того еще и добрый. В точности как его описывал Жером. И снисходительность, которую она уловила тогда в голосе Жерома, вдруг показалась ей несправедливой и неуместной. В конце концов, будь этот Шарль Самбра хоть сто раз бабником, простаком, ограниченным материалистом, убаюканным в своей прекрасной Франции, он рисковал благодаря сегодняшним своим гостям в один прекрасный день оказаться поставленным к стенке или замученным палачами-садистами, сам не зная ради чего. И хотя недопустимо, недопустимо было объяснять ему, «чего ради», не удостоверившись предварительно, что данную цель он и они понимают одинаково, Алиса вдруг почувствовала себя бесчестной осквернительницей векового, священного гостеприимства... Она на мгновение ощутила себя волком в овчарне, но тут вдруг поймала неотрывно устремленный на ее соб-

ственное тело влажный взгляд карих глаз овечки по имени Шарль Самбра, и от этого взгляда она разом позабыла о своей роли большого злого волка.

— О чем ты говоришь! — запротестовал Жером. — Яичница была просто потрясающая. В Париже, дружок, такую с руками бы оторвали!

— Ты не преувеличиваешь? — спросил Шарль не без иронии. — Со снабжением, я думаю, все наладится, — добавил он. — Немцы, они, знаешь, чертовски организованный народ.

— Ты так полагаешь? — Голос Жерома звучал рассеянно, будто издалека, и чуточку насмешливо.

Итак, он уже приступил к дознанию, устало подумала Алиса. Сразу к делу; не мог подождать один вечер, один-единственный вечер обойтись без всего этого? И сотни кадров, прыгающих, плохо освещенных, вереницей проплыли под ее опущенными веками: двери жалких гостиниц, темные улочки, перроны вокзалов, временные квартиры, едва распакованные чемоданы — грустные, грязные, безмянные картины, мизераблистские, с неизменными острыми углами, одним словом, картины Сопротивления, казавшиеся здесь, на этой округлой поляне, под выпуклым небом, на фоне волнистой линии тополей, еще чудовищней. На глаза

у Алисы навернулись слезы. Зря они сюда приехали. Не следовало останавливаться, отдыхать, надо было бежать дальше, от угла к углу, от подъезда к подъезду, петляя, падая на ходу. Ни в коем случае нельзя было расслабляться здесь, где земля так покойна и кругла, в присутствии этого мужчины, у которого такая округлая шея, округлая и прямая, как те пресловутые березы и шеи, что описала одна чувственная женщина в своих изысканных романах. Шея прямая и загорелая под черными нестриженными волосами — волосами брошенного мужчины, подумалось ей вдруг.

— Шарль, вы не женаты? — спросила она чуть ли не с тревогой, скорее даже не спросила, а услышала свой собственный вопрос и покраснела в темноте, возненавидела себя смертельно за любопытство, за вопрос, который Жером, кстати, — намеком, третьего дня, — не советовал ей задавать, возненавидела еще и за свое глупейшее умиление, нелепое по отношению к этому жалкому провинциальному соблазнителю, с нескрываемым самодовольством безмятежно наслаждающемуся своей холостяцкой жизнью. К этому фабрикантишке, находившему, что немцы очень организованный народ, что Франция ест досыта, а ее, Алисы, тело весьма аппетитно. Полагавшему, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

— Жена меня бросила, — ответил Шарль, не глядя на Алису. — Она живет сейчас в Лионе. Я не очень хороший хозяин, но у меня есть Луи и его жена Элиза, она приходит стряпать каждый день, кроме воскресенья... потому-то ужин и был таким отвратительным. Если бы вы меня предупредили...

— Помилуйте, — пробормотала Алиса, вжавшись в кресло, чтобы скрыть заливавшую ее лицо краску, — я ж не про яичницу, я...

— Я понимаю, — сказал Шарль, — понимаю прекрасно. — И улыбнулся смущенно, но как бы и поощряюще, что окончательно повергло Алису в смятение.

— Простите меня, — проговорила она, вставая, — я совсем засыпаю, говорю сквозь сон, не знаю, право. Ужин был великолепен, но я должна лечь, я с ног валюсь, поезд шел бесконечно долго. Двадцать четыре часа мы ехали, да, Жером?

Молодые люди поднялись словно по команде, однако Жером, неуклюжий, как всегда, зацепился за кресло, в результате чего Шарль, подтянутый и трепещущий, очутился возле Алисы первым — как в американской комедии, внезапно развеселившись, подумала она, наблюдая за двумя не сводящими с нее глаз мужчинами, и, чтобы скрыть смех, круто повернулась к дому.

— Я покажу вам вашу комнату, — сказал Шарль, — или нет, пусть это сделает Же-

ром, он лучше моего сумеет вас устроить; к моему удовольствию, он знает мой дом, как я сам. — Шарль положил руку на плечо подошедшего к ним Жерома, который подоспел, прихрамывая. — Но к моему великому сожалению, он лучше меня знает, что вы любите, — добавил он с неожиданным и старомодным изяществом и, отступив на шаг, изогнулся перед Алисой, не прикладываясь, однако, к руке, в сухом и каком-то отстраненном поклоне, показавшемся вдруг молодой женщине гораздо более эротичным, нежели самое продолжительное и страстное целование рук. Желая сохранить самообладание, она улыбнулась ему в лицо и встретила взгляд его карих, таких мужских и таких ребяческих глаз, в сущности, взгляд животного, напрочь лишенный как двусмысленности, так и наглости.

Такой взгляд, насколько ей помнилось, она видала только у охотников до женского пола; в ранней юности ей доводилось встречать на пляже мужчин, в которых все — и поведение, и взгляд — откровенно и невозмутимо говорило о безудержном желании обладать женщиной и выдавало скуку и глубокую неприязнь по отношению к собратьям по полу. Она знавала двух или трех подобных джентльменов, необыкновенно красивых, спокойных, воспитанных, сдержанных, иной раз совсем неприметных, из-за кото-

рых женщины умирали и кончали самоубийством, притом что никогда и никто, включая и самих страдалиц при их жизни, не мог упрекнуть этих обольстителей в жестокости. Искусители эти не водили дружбы с мужчинами, их не влекли ни спорт, ни карты, ни другие пороки. Для них единственными обитателями планеты были, без сомнения, женщины: женщины, которых они любили и которых бросали, за счет которых иные из них жили — преспокойно, не зная стеснения и не корысти ради. Но только эта праздношатающая разновидность, подробно описанная у Колетт, давным-давно перевелась, а ее потомки, если таковые существовали, наверняка не изготавливали башмаков в окрестностях городка Роман.

— Нет-нет, — возражал Жером, — это твой дом — ты сам и покажи его Алисе. По моему, ей придется по вкусу спальня в бледно-желтых тонах. Я зайду к вам через несколько минут, Алиса, — продолжил он, понизив голос, — пожелать вам спокойной ночи, если будет еще не слишком поздно и я вас не побеспокою.

Вместо ответа она улыбнулась. И, разомлев от усталости и неги, шагнула в разливавшийся по дому запах сушеных фруктов и воска, запах, который, она полагала, уже навсегда исчез из ее жизни. Вслед за Шарлем, который церемонно и безмолвно вы-

ступал впереди нее неторопливым шагом, заложив руки за спину, будто гид или агент по недвижимости, она прошла через большую залу, по-видимому гостиную, где на полу красовались шкуры пантеры с протертыми боками и стеклянными глазами, а по стенам — косо повешенные, сочащиеся киноварью портреты; затем через вестибюль, потом по лестнице, где дремали не потревожившиеся при их появлении охотничьи собаки. Потом наконец она достигла порога огромной квадратной спальни, по стенам которой вяли крупные розовые цветы, вымученные и блеклые, обрамляя широченную, накрытую стеганым одеялом ручной работы кровать, предназначенную для роженицы или для медового месяца. Но поначалу она увидела только полыхающий жарко, словно в разгар зимы, огонь в камине и бросилась к нему. И еще Алиса, больше всего на свете любившая живой огонь летом, распахнутые двери балконов зимой и купание в озерах под осенним дождем, бросила на хозяина дома — рикошетом, через зеркало, висевшее над камином, — заинтригованный взгляд: после ужина он отлучился всего на несколько минут, и, оказывается, именно для того, чтобы развести огонь, и именно в той комнате, которую Жером рекомендовал Алисе в самую последнюю минуту. Шарль смотрел на нее, она видела его силуэт у поро-

га — видела отражение, — его подтянутую фигуру с заложенными за спину руками и, главное, взгляд, неторопливо скользнувший по комнате, окнам, огню, кровати, блистающему паркету, взгляд собственника, пресыщенного знатока, — этот взгляд остановился на ней, не изменив своего выражения до тех пор, пока не встретил в зеркале ее собственный: тут он моргнул. Она резко обернулась, в смущении и раздражении оттого, что он подсмотрел, как она за ним подсматривает, в приливе враждебности и даже злобы при мысли о том, что их заранее разработанные планы и шутливые прогнозы Жерома оказались такими верными, а его советы — излишними. И еще злило то, что теперь, когда она в кои-то веки рассчитывала быть полезной и желала этого, отведенная ей роль выходила такой незначительной или, по крайней мере, так мало от нее зависящей. В ней закипал старинный, давно позабытый гнев, извечный бунт женщины-вещи; желание этого мелкого буржуа, собственника, безмятежно-счастливого, довольного своей мебелью, своими домами, фабриками, любовницами, его взгляд, осмеливающийся и ее заранее причислить к предметам первой необходимости и роскоши, неожиданно привели ее в бешенство. Стой он ближе, она б его ударила. Но Шарль Самбра, не говоря ни слова, точно кто его предупредил,

предостерег, широкими шагами пересек комнату, распахнул окно, раскрыл ставни и, высунув голову наружу, не оборачиваясь даже, произнес: «Глупость, конечно, но вы непременно должны это увидеть: сегодня, знаете, полнолуние. Потрясающее зрелище. Не забудьте посмотреть и загадать желание. И воздухом подышать», — уже ретировавшись к двери, добавил он, точно они весь вечер провели в подвале, а не в саду.

Алиса Файат заснула сразу после его ухода, позабыв и взгляд, и зеркало, и как она попала в эту комнату. В середине ночи, полупроснувшись, она вспомнила только крупного мужчину с большими руками, широким жестом распахнувшего ставни в черноту листвы, вырисовывавшейся на трепещущем темно-синем небе. И еще вспомнила, что на секунду мир пошатнулся от его руки, его голоса, смеха, его скромности и что она сама, Алиса, пошатнулась вместе со ставнями и опрокинулась в Млечный Путь, в тихую ночь, в сон и безопасность. Они с Жеромом уже год как скрывались. Весь этот год она боялась и презирала себя за это. И вот теперь, стоя на скрипучем полу сельской спальни и слыша, как шуршит в ночи гравий под мохнатыми лапами собак, она на мгновение забыла, как хрустит гравий под сапогами и как однажды на рассвете захрустит, быть может, и здесь.

— Твоей приятельнице, похоже, дом понравился, — сказал Шарль, усаживаясь в кресло напротив Жерома: в опустившемся сумраке он различал теперь только его вытянутый силуэт, блеск глаз и белые руки, но он знал на память его угловатое тело, бледные глаза и волосы и чересчур тонкие черты лица. Все, вместе взятое, делало его в глазах Шарля таким же неприглядным, как и любого другого мужчину.

— А как тебе понравилась моя приятельница? — спросил Жером.

Шарль так и остолбенел. С того самого дня, когда он отвел Жерома, пребывавшего тогда еще в девственности, в публичный дом — кстати, это произошло на той же неделе, когда Жером отвел Шарля, уже тогда прозябавшего в невежестве, в Лувр (и надобно признать, что познание женщин сильнее сказалось на жизни одного, нежели открытие живописи — на жизни другого), — с того давнего времени они ни разу словом не перемолвились о своих многочисленных победах; в особенности Жером — он никогда не искал одобрения Шарля, тем более что Шарлю девушки друга казались очень скучными, хотя и красивыми. И надо же, чтобы именно теперь, после пятилетней разлуки, когда он привез к нему прекраснейшую, наижеланнейшую, единственную существующую отныне для Шарля женщину,

чтобы именно в этот вечер Жерому вздумалось поинтересоваться его мнением! В первую секунду Шарль чуть было не выложил всю правду, едва-едва у него не сорвалось: «Алиса создана для меня, она моя, она мне нужна, я хочу ее, я ее люблю. Я жажду ее обольстить — хуже того, я жажду оставить ее себе. С твоей стороны было безумием привозить ее сюда. Пусть у меня только один шанс из ста, я все равно попытаю счастья». Однако он промолчал. Не из осторожности — из суеверия. Ведь он и сам не знал, на чем основан этот шанс, единственный из ста. Шарль, надо сказать, не слишком рассчитывал на свою внешность, вот уже более пятнадцати лет беспроигрышно приносившую ему успех. Он знал, что нравится женщинам, но это представлялось ему чем-то вроде справки о здоровье или временной визы, позволявшей ему исследовать страну, но не обосновываться в ней постоянно. Полагая, что все мужчины уродливы, он воображал, что может нравиться женщинам только веселым нравом и умением наиполнейше разделять с ними физические наслаждения, каковые ставил превыше всего. Словом, красота его была исполнена такой скромности, что ненавидеть его не представлялось возможным. Те редкие женщины, которых он не желал, а также мужчины, которым принадлежали все прочие, даже и не помыш-

ляли в чем-либо упрекать Шарля Самбра. В разговорах с ним они выказывали эдакую снисходительность, пренебрежение, легкую рассеянность — мстили ему таким предельно пошлым, но и предельно осторожным способом за внимание, которое оказывали ему прочие женщины. Понемногу Шарль Самбра привык считать себя не слишком умным или, во всяком случае, считать, что ум не входит в число его основных достоинств; он безотчетно от этого страдал, словно от некоего безобидного увечья, над которым посмеиваются окружающие и которое вы сами за собой с улыбкой признаете, но которое иной раз причиняет вам неизъяснимую боль.

Жером хорошо знал в Шарле эту скромность тела и ума и, возможно, потому долгие годы терпел и даже любил его общество.

— Алиса неотразима, совершенно неотразима, — в конце концов ответил Шарль невыразительным голосом и после паузы, которая им обоим показалась затянувшейся, — Жером даже слегка заерзал в кресле, забеспокоился, вспомнив вдруг, что Алиса, несмотря на всю свою утонченность, все-таки женщина, а женщины, даже самые утонченные, редко остаются безразличными к Шарлю.

— Ну а как твое производство? — ни с того ни с сего спросил Жером, чем снова

поверг Шарля в недоумение. Все, что касается производства, всегда вызывало в Жероме глубокое отвращение или, по меньшей мере, наводило глубокую скуку. Это была одна из редких запретных тем в их беседах.

— Кожа, знаешь, нынче...

Он как будто оправдывался, и это на-smенило Жерома.

— Скажи, Шарль, ты по-прежнему сомневаешься в своих деловых качествах? И все так же сомневаешься в своих интеллектуальных способностях?

— От меня их, знаешь ли, никто никогда не требовал, — ответил Шарль. — Разве что ты, когда пытался заняться моим образованием. Но это было давно.

Он закурил сигарету, обратив взгляд на Жерома, и тому показалось, что из темноты на него устремлены печальные и добрые глаза несмышленного животного. Жером даже на мгновение растрогался. Все, что говорил или делал Шарль, радушие, с каким он их принял, его веселый нрав, все его поведение подтверждали и даже полностью совпадали с той картиной, которую Жером рисовал Алисе, подготавливая ее к встрече. Жером заметил, как улыбалась Алиса, сличая описание с действительностью, и даже почувствовал себя чуть ли не виноватым, что глупо, в конце концов, ведь если для Шарля не существует иных запросов,

кроме тех, что диктуются темпераментом, и иных устремлений, кроме собственного благополучия, то представить его красивым, обходительным и посредственным ничуть не пошло. Пошлой была реальность, пошлым был Шарль, и он, Жером, тут ни при чем.

— Ты умный, Шарль, но живешь среди кретинов — где ж тут сохранить интеллектуальные способности? У тебя всегда были одни и те же дружки: лионские бармены, здешние лекари, всякие там игроки да бабники. Ты все так же неразборчив, старина.

— А ты все так же высокомерен? — прервал его вдруг Шарль, да так резко, что Жером прикусил язык. Как это он забыл, что вялому, умиротворенному и, казалось бы, неглубокому уму Шарля случалось блистать вспышками интеллекта и иронии?

Так или иначе, Жером в тот вечер менее всего собирался выяснять отношения: он нуждался сейчас в дружбе Шарля и его поддержке, ему важно было не потерять в нем друга и приобрести сообщника.

— Не сердись, — сказал он. — Я неправильно выразился. Я не вкладывал ничего уничижительного в слово «неразборчив».

— Вкладывал, — ответил Шарль. — И я тоже вкладывал, когда говорил «высокомерен». Но мы же всегда друг друга в этом обвиняли, так что бог с ним, поговорим о чем-нибудь еще.

Наступило молчание, потом Жером рас- смеялся своим неуверенным, смущенным, юношеским смехом, а Шарль подхватил с величайшим облегчением — не потому, что дорожил мнением Жерома о себе — оно было ему глубоко безразлично, — а потому, что безрассудная ярость закипала в нем и росла с каждым часом, с каждой минутой, пока он смотрел на белобрысого мужчину, студента-перестарка, который сейчас поднимется и ляжет — неизбежно, неминуемо — в бело- снежную постель Алисы. Прикоснется к ней, обнимет, разбудит. Вот этот мужчина, сидя- щий в двух метрах от него и называющийся его другом, ляжет на ее такое гибкое, такое тонкое тело и станет целовать ее серые-пре- серые глаза, черные-пречерные волосы и, главное, губы, красные-прекрасные. Губы, обрисованные четкой каймой, будто бы за- пружавшей в них наполняющую их кровь, приливы и отливы которой делали их таки- ми красными и полными.

Шарль знал, что если он прижметя гу- бами к этим полным губам, то почувству- ет, как в них, точно в сердце — незнакомом, независимом и бешено стучащем, — бьется теплая, соленая и сладкая кровь этой жен- щины. Да, он ненавидел Жерома. Уж лучше б он их сразу выставил вон из своего дома, порога бы переступить не позволил, нежели ввергать себя в ночные фантазии и видения,

на которые он теперь обречен. Выставить их сейчас мешала ему отнюдь не давняя дружба и не воспитание, а надежда, безумная надежда, смертельное желание самому в один прекрасный день очутиться с Алисой на этой кровати под стеганым одеялом ручной работы. Если бы когда-нибудь ему представилась такая возможность, он, Шарль, не стал бы рассиживать со старым приятелем и лепетать банальные фразочки. Он давно был бы уже наверху, склонился бы над своим двойником, своей женой, сестрой, дочерью, любовницей, возлюбленной. Он не сидел бы здесь, не разглагольствовал бы о всякой ерунде с чужаком, убогим калекой, короче — с мужиком.

Желание его, по всей вероятности, было заразительным: Жером потянулся в кресле, демонстративно зевнул, распрямил колени. Он собирался встать, и Шарль отчаянно искал способ его задержать: политика, ну разумеется, только политика! Жером, несомненно, был за или же против Петена, а учитывая, что Петен воплощал установленный порядок, — скорее всего, против, даже наверняка.

— А что ты думаешь о Петене? — спросил Шарль.

Спросил беспечным тоном, откинувшись в кресле и не глядя на Жерома из опасения, что тот застигнет его врасплох и разгадает. Не утратив охоту делать глупости, Шарль

не перестал, однако, заботиться о том, чтоб они оставались незамеченными. Разменяв четвертый десяток, он даже начал всерьез об этом беспокоиться. И так, не видя Жерома, он почувствовал, как тот расслабился, снял руки с подлокотников, уселся поплотнее. В то время как Шарль радовался своей находчивости, Жером радовался своему терпению. Наконец-то он узнает, как эволюционировали взгляды Шарля.

— По правде говоря, я ничего особенно хорошего о нем не думаю. А ты? — спросил он осторожно.

— Не так уж он плох, не так уж плох, — заговорил Шарль, обретя вдруг бодрость и словоохотливость. — Да, да, я нахожу, что он вовсе не плох, — в общем-то, он избавил нас от худших бед.

Жером заставил себя дышать размеренно; такого рода разговоры ему приходилось выдерживать в Париже последние два года и уже года три-четыре выслушивать, что Гитлер, в сущности, просто истинный немец, заботящийся о благе своей страны; временами он даже опасался, что в один прекрасный день не вынесет и вцепится в горло кому-нибудь из таких собеседников. Изрекавшие эту чушь — кто по невежеству, кто из лицемерия — заботились в первую очередь о собственном благополучии и душевном покое, что больше всего и возмущало Жерома.

Саган Ф.

С 13 И переполнилась чаша : роман / Франсуаза Саган ; пер. с фр. И. Радченко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 256 с. — (Саган. Коллекция).

ISBN 978-5-389-17801-4

Франсуазу Саган называли Мадемуазель Шанель от литературы. Начиная с самого первого романа «Здравствуй, грусть!» (1954), наделавшего немало шума, ее литературная карьера складывалась блестяще, она с удивительной легкостью создавала книгу за книгой, их переводили на различные языки, и они разлетались по свету миллионами экземпляров.

В романе «И переполнилась чаша» (1985) герои повествования Жером и Алиса в июне 1942 года пересекают демаркационную линию и появляются в доме Шарля, друга юности Жерома. В отличие от последнего Шарль держит нейтралитет: он не принадлежит к бойцам Сопротивления и не сотрудничает с нацистами, однако Жером надеется, что ради красавицы Алисы, чей муж, известный хирург, еврей, погиб от рук нацистов, Шарль поможет семьям, спасающимся бегством.

Франсуаза Саган верна себе: ее проза — прозрачная, изящная, лишённая позы — доставляет радость все новым поколениям читателей.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНСУАЗА САГАН
И ПЕРЕПОЛНИЛАСЬ
ЧАША

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Мария Левина, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 11.02.2020.

Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 11,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-CFS-26360-01-R